

Новые тексты

VR Мы начинаем публиковать главы новой книги *Вадима Волкова* о силовом предпринимательстве. В оригинале книга написана на английском языке и готовится к изданию в Корнельском университете (США)¹. В настоящее время она переводится автором на русский язык. В данном номере вы найдете введение к ней и первую главу. Надеемся, что вслед за нами вы получите удовольствие от чтения.

СИЛОВОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ **Глава 1. Организованная преступность и рыночные реформы: постановка проблемы**

Волков Вадим Викторович

Европейский университет в Санкт-Петербурге

E-mail: Volkov@eu.spb.ru

Введение

С самого начала реформирования системы государственного социализма в СССР непредвиденные последствия реформаторских инициатив были гораздо значительнее ожидаемых. Уже в 1988-89 гг., на заре кооперативного движения социальные процессы начали незаметно выходить из-под контроля или давать на первый взгляд неожиданные результаты. Экономическая либерализация второй половины восьмидесятых была призвана разбудить предпринимательскую инициативу населения, предоставить более широкие возможности повышения личного благосостояния экономически активным группам населения и тем самым стимулировать экономический рост. Когда во Дворце съездов все еще кипели дебаты по поводу гласности, новые предприниматели уже вовсю занимались частной коммерцией. Однако они были не единственными, кого мобилизовала горбачевская перестройка. Либерализация подвинула к бурной активности и тех, кто не участвовал в реформаторских проектах, но вскоре прочно утвердился в качестве основного символического персонажа происходящих перемен. Те, кого люди прозвали «рэкетирами» или «бандитами» и кого правоохранительные органы стали называть «организованной преступностью», появились в массовом количестве примерно в то же время, что и новый класс предпринимателей, – в самом конце 1980-х гг. На фоне всеобщего перестроечного оптимизма все же прозвучало несколько мрачных прогнозов по поводу опасности, исходившей от так называемой «красной мафии». Но даже авторы этих прогнозов, указывавших, в основном, на коррумпированную партийную номенклатуру, не принимали всерьез двадцатилетних «качков» в «самопальных» спортивных костюмах «Адидас», ринувшихся на рынки собирать дань с кооператоров. На некоторое время рэкет станет повседневной реальностью российского бизнеса, особенно мелкого и среднего его сегментов, а появление бандитов заметно изменит социальный ландшафт российских городов. Менее чем через десять лет многие из них погибнут в результате многочисленных

¹ Volkov, Vadim. *The Monopoly of Force: Violent Entrepreneurs in the Making of Russian Capitalism*. Ithaca: Cornell University Press, 2002.

перестрелок и заказных убийств, кто-то сядет в тюрьму, а некоторые станут видными представителями региональных бизнес-элит.

На некоторое время влияние этой группы станет преобладающим в экономике, политике и повседневной жизни. Бандитская субкультура «обогатит» российскую массовую культуру романами, кинофильмами и песнями соответствующего стиля и содержания, которые, в свою очередь, сделают слова, жесты и нормы новой социальной группы еще более популярными в потерявшем ценностные ориентиры обществе. В середине девяностых мировая пресса будет писать о том, что российская организованная преступность угрожает не только реформам внутри страны, но и безопасности других стран. Российский президент назовет свою страну «преступной сверхдержавой». Наряду с группами более или менее сильной уголовной ориентации, в политико-экономической жизни страны появятся не менее многочисленные организации, состоящие из работников правоохранительных органов и органов госбезопасности, вполне официально предлагающие охранные услуги, но на деле мало отличающиеся от бандитских группировок. К 2000 г. проблема организованной преступности неожиданно начнет терять былую остроту, а фигура бандита со всеми ее легко узнаваемыми атрибутами отойдет на второй план, вызывая уже, скорее, иронию, нежели страх. Всего за пару лет бандиты исчезнут так же неожиданно, как появились.

Речь идет, конечно, не о «физических» лицах, многие из которых по сей день живут и процветают, а о появлении и исчезновении бандитов как класса, то есть как социальной группы и общественного явления, как социального института и явления культуры. И хотя объектом данного исследования являются прямо или косвенно знакомые каждому читателю так называемые бандитские, силовые или охранные структуры, иными словами, «крыши» и те, кто их обеспечивал, социологическое определение предмета будет иным. С социологической точки зрения нас интересуют общественные отношения, связанные с использованием силы в целях получения дохода, а также практика, нормы и институциональные функции организаций, созданных для повышения эффективности коммерческого использования силы. Все эти аспекты мы объединили в понятие «силового предпринимательства», которое и является основным предметом исследования.

В отличие от криминологии, рассматривающей данное явление как поведение, нарушающее рамки закона и, следовательно, определяемое как преступное, эта книга исходит из социологического видения, в соответствии с которым силовое предпринимательство рассматривается и как определенный тип действия, и как важнейшая составляющая социально-экономической структуры раннего капитализма в России в 1988-2001 гг. Используя термины «силовое предпринимательство» и «силовая структура» как широкие аналитические категории, мы также будем употреблять и принятые в обыденном языке термины, обозначающие различные эмпирические объекты: «преступная группировка», «бандит(ы)», «охранное предприятие», «крыша» и т.п., несмотря на то, что они могут приносить нежелательные для социологического исследования предрассудки, моральные или правовые определения.

Цель этой книги – дать ответы на следующие вопросы. Каковы социально-экономические обстоятельства, вызвавшие быстрое образование организованных преступных группировок и других частных силовых структур? В чем состояла их деятельность? Какова была их роль в становлении нового социально-экономического порядка? Каков характер эволюции частных силовых структур и как их эволюция связана со становлением экономического рынка и формированием государства в России?

Источниками первичной информации для данного исследования послужили 26 глубинных интервью с представителями различных силовых структур, предпринимателями и экспертами, проведенные в Санкт-Петербурге, Москве и Екатеринбурге, неофициальные материалы и данные, полученные правоохранительными органами, материалы журналистских расследований и публикации прессы, а также собственные наблюдения автора. Ссылки на интервью представлены цифрами, соответствующими номерам респондентов, данные о которых приведены в конце книги [См. Приложение 1 в конце текста].

Криминальная мобилизация

Согласно официальной статистике, рост преступности в России был особенно быстрым с 1989 по 1992 гг., когда количество преступлений почти всех категорий увеличивалось на 20-25% в год². Хотя и с меньшими темпами, рост преступности продолжался до 1996 г., после чего правоохранительные органы зафиксировали незначительный спад. Среди других видов преступности вымогательство выделялось наибольшим абсолютным приростом. Как утверждает в своем исследовании Владимир Сафонов, «до 1988 г. вымогательство не считалось распространенным типом преступления. В некоторых регионах (Алтай, Вологда, Курск и других) оно не встречалось вовсе. В 1989 г. количество случаев вымогательства в большинстве российских регионов увеличилось в три раза»³. Если в 1986 г. правоохранительными органами было зарегистрировано 1 122 случая вымогательства, то в 1989 г. этот показатель вырос до 4 621. Затем, начиная с 1990 г., темпы роста вымогательства составляли 15-30% ежегодно и достигли своего пика в 17 169 случаев в 1996 г., что в 15,3 раза выше, чем в 1986 г.⁴ Эти показатели хорошо отражают общую тенденцию, но не дают адекватного представления об истинных масштабах рассматриваемого явления, которое было гораздо шире того, что попало в официальную статистику. Согласно экспертным оценкам, только каждый четвертый потерпевший обращался в органы внутренних дел; милиция реагировала не более чем в 80% случаев; обвинения предъявлялись лишь каждому шестому вымогателю; срок, к тому же довольно мягкий (не более трех лет), отбывал лишь каждый одиннадцатый⁵.

Ниже приведен график, отражающий возрастную структуру криминальной мобилизации конца 1980-х гг. Он представляет частоту годов рождения или численность возрастных когорт индивидов, попавших в оперативную базу данных Северо-западного Регионального управления по борьбе с организованной преступностью (РУБОП), одного из 12 подразделений, созданных в 1992 году для борьбы с организованной преступностью. На момент, когда база данных попала в

² Следует, конечно, иметь в виду, что число зарегистрированных преступлений также отражает изменения политики и уровня активности правоохранительных органов. Статистика преступности зависит от способов учета преступлений, интересов МВД и его региональных подразделений, а также от изменений в уголовном законодательстве. См. Долгова А. Преступность, статистика, закон. М.: Криминологическая ассоциация, 1997.

³ Сафонов В. Организованное вымогательство: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб.: Знание, 2000. С. 154.

⁴ Сафонов В. Там же. С. 154, 218.

⁵ Организованная преступность / Под ред. С. Дьякова и А. Долговой. М.: Юридическая литература, 1989. С. 98.

частные руки в 1996 г., в ней находилось почти 27 тыс. индивидов, большинство из которых были осуждены, обвинялись или подозревались в преступной деятельности как члены организованных преступных группировок (ОПГ). Кроме данных, собранных собственно РУБОПом, эта база также содержит данные, унаследованные им от предыдущих организаций аналогичного назначения. (См. График 1 в конце работы.)

Самым старым индивидом, внесенным в базу данных Северо-западного РУБОП, является некто Ефим Геллер (дата рождения 23 августа 1914 г.), антикварный делец и мошенник, осужденный в 1993 году за присвоение государственной собственности путем вымогательства. Самый юный фигурант – Яков Толмачев (дата рождения 4 сентября 1982 г.), школьник, пытавшийся вымогать деньги у своего отца-бизнесмена путем инсценирования собственного похищения. Между этими крайними точками график показывает стабильный рост (до определенного момента) доли более молодых индивидов. Пик графика (т.е. наиболее многочисленная возрастная когорта) приходится на 1969 год рождения (1 518 чел.), а также на когорты 1970 (1 471 чел.), 1971 (1 441 чел.) и 1968 (1 398 чел.) годов рождения. Количество индивидов, принадлежащих к когортам с 1966 по 1972 г.р., превышает 1 200 чел.; вместе эти семь из шестидесяти восьми возрастных когорт составляют 36% всех индивидов, попавших в базу данных РУБОПа. График также показывает резкое снижение численности индивидов, родившихся после 1972 г. Такой резкий спад, конечно, не может быть объяснен только тем, что преступные группировки достигли некоторой точки насыщения или что молодые люди перестали связывать свою жизнь с преступной деятельностью. Помимо этих причин (которые, как покажет дальнейшее исследование, не следует исключать), резкое снижение на графике может объясняться еще и тем, что в последний раз база данных обновлялась в 1996 г., и если бы она регулярно обновлялась и далее, присутствие в ней более молодых когорт (т.е. после 1972 г.р.) могло бы быть более значительным. Следует также заметить, что эта база данных пополнялась именно в тот период, когда рост организованной преступности был наиболее значительным и достиг своего апогея. После 1996 г. многие показатели преступности стабилизировались или даже снизились. Поэтому приведенный график все же дает вполне адекватное представление о возрастной структуре (т.е. о соотношениях, а не об абсолютных показателях) организованной преступности. Преобладание определенных возрастных когорт среди участников организованной преступности также подтверждается подсчетами возрастного распределения лиц, осужденных за вымогательство в трех российских городах (Псков, Белгород и Петербург (включая Ленинградскую область) в 1991-94 гг., проделанными Сафоновым: группа лиц в возрасте от 18 до 24 лет (т.е. около 1970 года рождения) значительно превосходит другие, составляя 53% от общего числа осужденных⁶.

Что можно сказать о социальной траектории когорт 1966-72 г.р.? Какие события и процессы определили жизненный выбор этих людей? Можно легко предположить, что они закончили школу в 1984-90 гг. и в случае призыва в армию вернулись в 1986-92 гг., и именно в эти годы оказались перед выбором дальнейшего жизненного пути или профессии. Именно в этот период руководство страны предприняло ряд новых мер по реформированию экономики: напомним, в 1986 г. был принят Закон об индивидуальной трудовой деятельности, открывший первые возможности для легальной частнопредпринимательской деятельности; в 1988 г. был принят Закон о кооперации, значительно расширивший негосударственный сектор; наконец, принятый в 1990 г. Закон о предприятии и предпринимательской деятельности разрешил частную

⁶ Там же. С. 220.

собственность и частное предпринимательство. Таким образом, можно сделать следующее предварительное утверждение, требующее дальнейшего объяснения: в период, ассоциирующийся с рыночными экономическими реформами, необычно высокая доля молодых людей пополнила организованную преступность.

Откуда пришло пополнение

Учитывая природу вымогательства (рэкета), естественно предположить, что в нем участвовали молодые люди, по тем или иным причинам имевшие сравнительное преимущество в использовании насилия. Такое преимущество могло быть получено либо в определенных социальных институтах, культивирующих физическую силу или навыки единоборств, либо в определенных жизненных обстоятельствах, создавших соответствующую предрасположенность. Кроме того, в обществе должны были сформироваться достаточно сильные стимулы, подвигнувшие людей к поиску новых способов применения этих навыков, включая новые экономические возможности. Наконец, для того, чтобы организованное вымогательство приобрело значительные масштабы, нужны были механизмы, которые обеспечивали бы мобилизацию потенциальных рэкетиров для реализации новых экономических возможностей.

Спорт

Воспоминания участников и интервью позволяют воспроизвести некоторые особенности криминальной мобилизации. Движение рэкетиров начало набирать силу в 1988 году, когда группы молодых людей специфической внешности и поведения стали появляться на городских рынках и других местах скопления уличной торговли. Короткие стрижки, спортивные костюмы, атлетическое телосложение и угрожающий вид делали их похожими друг на друга, как если бы они были членами одной спортивной команды. За физические данные их прозвали *качками*, а за их «рыночную» активность – *рэкетирами* или *бандитами*.

Многие лидеры ОПГ, не говоря о рядовых членах, вышли из спортивной среды. Например, лидер *солнцевской* ОПГ Сергей Михайлов, известный как «Михась», является мастером спорта по вольной борьбе, а его бывший сподвижник Сергей Тимофеев («Сильвестр»), лидер *ореховской* ОПГ, активно занимался каратэ⁷. В 1989 г., когда в Москве и других городах начали происходить первые массовые конфликты между группировками и основным средством борьбы были кулаки, бейсбольные биты и металлические прутья (огнестрельное оружие все еще было редкостью), спортсмены быстро доказали свое превосходство. Вскоре стало ясно, что спортсмены, в особенности те, кто специализировались в различного рода единоборствах, представляли собой не только реальную силу, но и потенциальный политический ресурс. В 1993 г. ведущий московский авторитет и тренер по классической борьбе Отари Квантришвили предпринял попытку использовать этот ресурс для создания политической организации с видами на участие в предстоящих думских выборах – партии «Спортсмены России». В первом съезде этой партии в декабре 1993 г. приняли участие многие ведущие борцы, боксеры и штангисты. Планам Квантришвили, как известно, не суждено было сбыться: 4 апреля 1994 года он был застрелен снайпером.

⁷ В художественной форме биографии этих людей изложены в книгах Валерия Карышева. См. *Карышев В.* Солнцевская братва: история группировки. М.: Эксим-пресс, 1998; *Карышев В.* Сильвестр: история авторитета. М.: Эксим-пресс, 1999.

Среди жертв заказных убийств оказалось много других титулованных спортсменов, занявшихся коммерческой деятельностью или связанных с преступными группировками: Олег Каратаев, чемпион мира по боксу и вице-президент всемирной ассоциации бокса; Юрий Ступеньков, председатель российской профессиональной лиги кикбоксинга; Вячеслав Цой, основатель Международной академии восточных единоборств⁸.

В отсутствие профессионального или коммерческого спорта в СССР, существование и развитие этого важного социального института всецело зависело от государства. Виды спорта, связанные с силовыми единоборствами, были, как известно, приписаны либо к милиции, либо к Министерству обороны. Основные спортивные клубы (такие, как «Динамо» и ЦСКА) и, соответственно, их региональные подразделения финансировались из бюджета силовых ведомств, а их члены (спортсмены, выступавшие за эти клубы) имели армейские или милицейские звания. Другие известные спортивные клубы, например, «Спартак» и «Локомотив», находились на бюджете профсоюзов и Министерства транспорта соответственно. Кроме того, многие крупные советские предприятия – такие, как «Уралмаш» или «Электросила» – содержали разветвленные сети спортивных клубов и секций. Развитие спорта было одним из постоянных приоритетов советской системы, а так называемый «большой» спорт обладал высоким социальным престижем, представляя собой один из каналов вертикальной социальной мобильности. Чемпионы являлись одновременно ролевыми моделями для молодежи и символами успеха. Но в условиях кризиса государственного социализма – как системы государственных финансов, так и советской системы ценностей – воспроизводство этого института было нарушено, и спортсмены начали искать способы адаптации к меняющимся условиям, полагаясь, естественно, на те физические и социальные ресурсы, которыми они располагали.

Исторически возникновение спорта как специфического общественного института и сопутствовавшее этому уменьшение допустимого уровня насилия было органической частью того, что социолог Норберт Элиас назвал «процессом цивилизации» – переходом ко все более дисциплинированному, дифференцированному и менее склонному к повседневному насилию обществу⁹. Спорт может быть определен как организованная групповая деятельность, основным смыслом которой является соперничество между двумя сторонами. Это соперничество или борьба, пишет Элиас, «требует некоторого физического напряжения и происходит в соответствии с определенными правилами, ограничивающими уровень допустимого физического насилия»¹⁰. Спорт рождается тогда, когда насилие и возможные увечья значительно ограничиваются правилами, следование которым требует от участников определенных навыков самоконтроля. Одновременно развитие института спорта обеспечивало разрядку физической энергии и импульсов агрессии в форме игры или борьбы, практически исключавшей летальный исход, и тем самым способствовало постепенному повышению способности современных государств контролировать или ограничивать уровень насилия в обществе. Не сводя спорт к простой очевидной функции вспомогательной системы подготовки и воспитания людей для вооруженных сил, Элиас предложил более тонкое понимание роли спорта в обществе,

⁸ Максимов А. *Российская преступность: кто есть кто*. М.: Эксим-пресс, 1998. С. 37-44.

⁹ Elias, N. *The Civilizing Process*, Vol. I-II. Oxford: Basil Blackwell, 1995.

¹⁰ Elias, N. and E. Dunning, *Quest for Excitement: Sport and Leisure in the Civilizing Process*, Oxford: Basil Blackwell, 1986.

предполагающее не явную на первый взгляд связь между спортом и формированием современных государств, в основе которых лежит монополизация насилия. Исторически возможности конвертировать избыточное насилие в подчиненные жестким правилам соревнования во многом зависят от способности государства и общества поддерживать институт спорта. Но плоды этой длительной конверсии могут быть достаточно быстро, хотя, возможно, и не полностью, разрушены в условиях кризиса. Когда государство ослабевает до такой степени, что оказывается уже не в силах эффективно ограничивать или управлять уровнем насилия, спорт, и особенно боевые искусства и силовые единоборства, может неожиданно дать почти все, что необходимо для создания негосударственных силовых организаций: навыки применения силы, силу воли, командный дух, дисциплину, и т.д. Поэтому снижение финансирования и ослабление контроля за правилами и принципами, некогда превратившими открытое насилие в относительно безопасный или не смертельный вид соперничества, запустили опасный процесс адаптации спортсменов к новым условиям, что выразилось в поисках иных способов приложения полученных ранее навыков.

Роль спортивной среды в криминальной мобилизации хорошо прослеживается в интервью. Денис (1970 г.р.) тренировался в спортивной школе:

«Занимался легкой атлетикой, метанием молота. Была у нас маленькая группа, вместе тренировались, 5 человек. Потом пошел в армию, вернулся в девяностом. Но спорт уже ничего не давал. Ну и что делать? Образования не было и тяжело было найти применение. Связи – только спортивные, их и использовал. Вот тогда наш круг «встал на двери». Пошли в гардеробщики, бармены, вышибалы. Пара ребят из нашего круга уже работали с тамбовцами. Но там не было дисциплины, люди делали, что хотели. Потом 7-8 человек пришли к Виталику [в то время – лидер борцовской бригады]. У него уже была структура и он дал работу» [интервью 10].

Другой респондент, Вадим (1969 г.р.), бригадир комаровской ОПГ, долгое время занимался каратэ и был вовлечен в деятельность группировки своими товарищами по клубу:

«В 1992 г. стал заниматься активно. Раньше был знаком и вместе тренировался с Колей-Каратэ и Ларионовым. Они – основатели всего движения каратэ в Ленинграде и очень большие фигуры в стране. Там встретил и других. Ну... было что-то вроде комплекса воина, хотелось себя попробовать...» [интервью 4].

Секции карате воспитали много будущих участников ОПГ. Это японское боевое искусство появилось в Советском Союзе в 1970-е гг. и преподавалось любителями неофициально или даже подпольно в секциях при спортклубах. В 1981 г. ЦК КПСС принял специальное постановление, запрещающее преподавание каратэ; в Уголовном кодексе появилась соответствующая поправка (дополнение к статье 219). Когда на смену Л.И. Брежневу пришел Ю.В. Андропов, попытавшийся укрепить порядок и дисциплину, органы правопорядка начали активно исполнять волю партии, закрывая секции каратэ и угрожая участникам уголовной ответственностью. Что именно побудило партийное руководство запретить каратэ – идеологически чуждая философия этого вида спорта или попытка утвердить монополию правоохранительных органов на силовые виды спорта, – остается неясным, но в результате кампании по борьбе с каратэ многие инструкторы были уволены или даже привлечены к ответственности. Так, Владимир Илларионов, один из основателей каратэ в стране, которого Вадим

упоминает в интервью, получил восемь лет тюрьмы и возобновил преподавание лишь в середине восьмидесятых, когда запрет на каратэ был снова неофициально снят¹¹.

Снятие запрета вызвало новый приток желающих заниматься этим единоборством. Данная тенденция наложилась на массовое открытие частных видеосалонов, в которых, в свою очередь, демонстрировались разные боевики, в том числе фильмы о гонконгской мафии, послужившие своего рода учебником возможного применения полученных навыков. Первой серьезной рэкетирской организацией, появившейся в Ленинграде в 1985 г., была *банда Коли-каратэ* (она же *банда братьев Седюк*). Николай Седюк, тренировавшийся с Илларионовым и работавший в спортивном клубе «Ринг», считался мастером высокого класса. Помимо жестокости и бойцовских качеств, он отличался жадностью и коммерческой хваткой. Сам клуб быстро стал источником бойцов для группировки, насчитывавшей около ста человек. В банду входил также актер Аркадий Шалолашвили, чьи таланты были незаменимы для вымогательства. На протяжении двух лет банда Седюков практически обладала монополией на сбор дани как с теневого, так и с легального бизнеса в Ленинграде. Однако в 1987 г. верхушка банды, включая братьев Седюк, Гогу Геворкяна («Макси-Шварцнеггер»), Шалалашвили и других, была арестована и приговорена к различным срокам лишения свободы. После этого она практически перестала существовать и уже не воссоздавалась в первоначальном виде: Коля-каратэ был застрелен вскоре после своего освобождения в июле 1993 г., Шалолашвили умер от цирроза печени, а другие бывшие участники влились в новые группировки¹².

Спортивные связи, а также совместный опыт тренировок, соревнований и сходный образ жизни способны создать повышенный уровень доверия и групповой солидарности. В сочетании с физическими навыками, они представляют собой необходимый социальный ресурс для формирования сплоченных группировок (тоже своего рода команд), но предназначенных уже для иных целей. В Ленинграде, например, источниками «кадров» для быстро растущих преступных группировок были специализированные учреждения, занимавшиеся подготовкой спортсменов или тренеров: Институт физкультуры им. Лезгафта, Военный институт физкультуры (ВИФК) и Школа высшего спортивного мастерства (ШВСМ). ВИФК и ШВСМ, как известно, специализировались на силовых видах спорта – таких, как борьба, бокс, самбо, дзюдо и различные многоборья. Один из основателей *тамбовской* ОПГ Валерий Ледовских, выпускник Института физкультуры, был тренером по боксу. Спортсменами из ШВСМ и ВИФК были укомплектованы две ОПГ, известные в начале 1990-х гг. как *борцовская бригада* и *бригада Швондера* соответственно. *Бригада Швондера* (названная по кличке Александра Купряшева («Швондер»)), который сам не являлся курсантом ВИФКа и тяготел к уголовной традиции) контролировала торговые учреждения недалеко от самого института на территории, прилегающей к Финляндскому вокзалу. Группировка распалась после того, как Купряшев был застрелен в феврале 1993 г. [11]. Тренер ВИФКа по вольной борьбе Георгий Поздняков («Поздняк»), убитый в апреле 2000 г., был правой рукой лидера *тамбовских* Владимира Кумарина¹³.

¹¹ Илларионов В. «...И поражение от победы ты сам не должен отличать» // Черный пояс, 1999, № 1, www.koshiki-karate.com.

¹² Константинов А. Бандитский Петербург. СПб.: Фолио-пресс, 1997. С. 140-146.

¹³ Смена, 27 апреля 2000. С. 3.

Война в Афганистане

Другим потенциальным источником участников ОПГ стали сообщества ветеранов афганской войны, закончившейся выводом советских войск в 1989 г. Тема социально-психологического влияния афганской войны на ее участников, особенно на девятнадцати-двадцатилетних солдат и сержантов срочной службы, не получила широкого обсуждения, но некоторые исследования «афганского синдрома», похожего на известный в США поствьетнамский синдром, все же были проведены. Психологи установили, что длительный и чрезвычайный по своей природе опыт афганской войны во многих случаях производил глубокие изменения в социально-психологических установках участников. Ситуация постоянного риска быть убитым уменьшала чувство опасности и укрепляла специфическую готовность к смерти. Это, в свою очередь, создавало особую комбинацию повышенного индивидуализма («каждый выживает сам») и особого чувства общности, боевого братства, которое возникало на основе общего риска и боевого взаимодействия¹⁴. Будучи средством тотальной ресоциализации, война сильно трансформировала нормативную систему ее участников, создав специфическую «афганскую культуру»¹⁵. Эта культура впоследствии породила множество ветеранских организаций, названия которых часто отсылают к топографии Афганистана (например, «Панжер» или «Герат»), напоминая своим участникам о месте и времени, где они прожили «настоящую» жизнь.

Но то, что облегчало адаптацию призывников к экстремальным условиям войны, стало причиной конфликта и фактором социального отчуждения, когда участники афганской кампании возвращались к мирной жизни. И дело не только в том, что «настоящие» человеческие отношения, воспринимавшиеся как основа «боевого братства», были трудно совместимы с социальными конвенциями и «идиотскими» формальностями мирного общества. Отрицательное общественное отношение к афганской войне и ее публичное осуждение как ненужной и несправедливой сделали бессмысленной жертву, принесенную целым поколением. Это не могло не вызвать чувство разочарования у самих ветеранов и приводило к тому, что они все более замыкались в кругу своих бывших «братьев по оружию»¹⁶. Система социального обеспечения разрушавшегося государства была плохо приспособлена для социальной реабилитации ветеранов войны, предоставив им самим справляться с послевоенным стрессом и искать место в быстро меняющемся обществе. Сходный опыт ожидал и участников первой чеченской кампании и других военных конфликтов, возникавших на постсоветском пространстве. Согласно социологическому исследованию, 75% тех, кто воевал в Чечне в 1994-1996 гг., выразили желание снова вернуться на войну, а более 50% выразили готовность работать в государственных или частных охранных структурах¹⁷.

Наиболее крупной частной охранной структурой, созданной и укомплектованной ветеранами войны в Афганистане, является ассоциация «Герат». Первоначально созданная в 1991 г. как спортивный клуб, ассоциация стала стремительно расти и к

¹⁴ *Ольшанский Д.* Смысловые структуры личности участников афганской войны // Психологический журнал, 1991, № 5. С. 120-131.

¹⁵ *Абдурахманов Р.* Психологические проблемы послевоенной адаптации ветеранов Афганистана // Психологический журнал, 1992, № 1. С. 131-134.

¹⁶ *Кинсбургский А., Топалов М.* Реабилитация участников афганской войны в общественном мнении // Социологические исследования, 1992, № 2. С. 104-108.

¹⁷ *Пожидаев Д.* От боевых действий – к мирной жизни // Социологические исследования, 1999, № 2. С. 74.

1995 г. превратилась в сеть частных охранных предприятий, насчитывавшая более 8 тыс. человек (подробнее см. гл. 6)¹⁸. Интервью и другие источники свидетельствуют о том, что бывшие участники афганской войны внесли свой вклад в становление неформальных, в том числе откровенно криминальных силовых структур. В Екатеринбурге, например, бывшие участники войны создали группировку, известную как *афганцы*, которая специализировалась на предоставлении охранных услуг, оптовой торговле и мошенничестве. Группировка распалась после того, как в августе 1998 года был застрелен ее лидер Владимир Лебедев¹⁹. Наряду с легальной благотворительной и коммерческой деятельностью, многие ветеранские организации являются прикрытием для силовых структур, занимающихся нелегальной охранной деятельностью. По словам одного из респондентов, «Афганвет» в Петербурге занимался практически такой же деятельностью, что и другие неформальные силовые структуры, включая ОПГ:

«У «Афганвета» была серьезная репутация в этих кругах, не меньше, чем у бандитов. Мой брат активно в этом участвовал. Они делали то же, что и все, – организовывали и охраняли автостоянки, магазины и т.д. Бандиты их особо не трогали, один раз, я помню, наехали на стоянку, хотели отнять машины, но наши просто вытащили «Калашников», и те сразу уехали. А вообще все знали, что на них инвалиды. Многие потом пошли в охранные структуры» [интервью 16].

Опыт военных действий дает важные физические и психологические преимущества в тех видах деятельности, в которых силовые конфликты являются обыденным, если не главным содержанием, а бывшие сослуживцы становятся незаменимым источником связей в мирное время. Роман (1969 г.р.) вырос в одном из окраинных районов Москвы. В возрасте 17 лет он получил звание мастера спорта по боксу. После школы пошел в армию и был направлен в Афганистан. Вернувшись в 1989 г., Роман сошелся с несколькими группами мошенников и теневого дельцов, занимался охраной и разрешением споров, часто с использованием насилия. В то же время, он не пропускал возможности поехать и участвовал во многих локальных войнах, включая Абхазию, Приднестровье и даже Боснию. Затем он наладил свой бизнес, который заключался в производстве и нелегальной поставке в Петербург и другие города дешевого спирта из Белоруссии:

«Это афганские каналы целиком. Дело в том, что мне очень просто работать в принципе в стране, потому что у меня как бы результаты поездок на различные войны – большой получился как бы круг общения в разных местах. В том числе здесь, например, в налоговой полиции, которая сама по себе порекомендовала тех людей, которые занимаются» [интервью 18].

В данном разделе мы не касались традиционной уголовной среды (этому будет посвящен особый раздел), а рассматривали социальные группы, ранее не связанные с рэкетом или охранным бизнесом, но активно мобилизованные на эту деятельность социально-экономическими условиями конца 1980-х гг. В связи с этим нельзя не упомянуть и бывших (а часто и действующих) работников милиции и военизированных спецподразделений, которые также пополняли ряды неформальных силовых структур. Прямых и надежных данных, которые отображали бы масштабы их участия, нам не встречалось. Косвенным образом это явление отражают показатели коррупции и преступности в рядах органов внутренних дел. На протяжении 1990-х гг. примерно 25

¹⁸ *Частный сыск, охрана и безопасность*, 1995, № 3. С. 16-18.

¹⁹ Обзор структуры организованных преступных формирований Свердловской области // Отчет Свердловского РУБОП, 1999. С. 1.

тыс. сотрудников (примерно четверть из всех покидавших органы МВД) ежегодно исключались за различные правонарушения и около 15 тыс. ежегодно привлекались к уголовной ответственности (62 844 в 1986-1990 гг. и 75 168 в 1991-1995 гг.)²⁰. Низкий уровень морали в сочетании с обесценивающейся зарплатой подтолкнул многих членов этой профессиональной группы к более выгодному, но не всегда законному приложению их навыков, связанных, в первую очередь, с применением силы и добыванием информации. Впоследствии, многие бывшие работники силовых ведомств продолжили профессиональную деятельность в легальных частных охранных предприятиях и службах безопасности, но многие из них при этом прошли через неформальные или криминальные силовые структуры.

Рынок

Валерий Карышев, представляющийся как адвокат многих криминальных авторитетов и опубликовавший свой опыт в виде серии книг, приводит воспоминания преуспевающего банкира (Леонида К.), который начинал свою карьеру в качестве одного из лидеров *люберецкой* группировки:

«Все началось, когда я стал рэкетиром. Помните Закон о кооперации? Рижский рынок был местом, где первые кооператоры предлагали шашлыки, джинсы, экзотические наклейки, карты с магазинами Москвы и так далее. По выходным на рынке шла бойкая торговля. Постепенно мы тоже туда подтянулись – ребята, которые прошли через «качалки», спортивные секции или просто уличные шайки. Первые рэкетеры, практиковавшие грубый наезд, были простыми ребятами. Нашими основными учебниками были фильмы про американскую и гонконгскую мафию; мы специально смотрели их в видеосалонах, чтобы приобрести опыт. Так знаешь ли ты, что Рижский рынок можно считать родиной московского рэкета? Именно здесь появились первые бригады, которые потом превратились в известные группировки. Но в то время мы состояли из нескольких бригад по пять-десять человек в каждой. Мы наведывались на рынок и бомбили торговые точки, киоски...»²¹

Власти едва ли ожидали такого поворота событий, когда принимали постановления для развития кооперативной деятельности. Реформы преследовали цель пробудить инициативу и оживить предпринимательскую деятельность для улучшения экономических показателей, в особенности в секторе товаров народного потребления. Экономически активная часть населения принялась создавать кооперативы и малые предприятия (многие из которых создавались при государственных предприятиях) по производству и торговле потребительскими товарами. Фактически они были близки к частнокапиталистическим экономическим формам. После принятия закона кооперативы стали множиться с большой скоростью, их прирост составил 450% в 1988 г. и 150% в 1989 г.; к 1990 г. их число достигло 193 тыс., а число занятых в них превысило пять миллионов человек²². Повседневными символами экономических перемен стали городские вещевые рынки, кооперативные кафе и мастерские, а также многочисленные ларьки.

²⁰ Долгова А. Там же. С. 46-48.

²¹ Карышев В. Записки бандитского адвоката, М.: Центрполиграф, 1998. С. 30-31.

²² Jones, A. and W. Moskoff, *Ko-ops: The Rebirth of Entrepreneurship in the Soviet Union*. Bloomington: Indiana University Press, 1993. P. 16-33.

По мере того, как в Москве, Ленинграде и других городах росло количество кооперативных предприятий, множилось и число рэкетирских бригад, регулярно навещавших эти предприятия в поисках дани за «охранные» услуги. В Свердловске две наиболее мощные группировки – *уралмашевская* и *центральная* – первоначально образовались как рэкетирские бригады, действовавшие на уралмашевском и центральном рынках города и получившие от них свои названия. Большое количество бригад из Казани, Новокузнецка, Кургана и других сибирских городов, укомплектованные местными спортсменами и «качками», мигрировали в Москву и Ленинград, где возможности для коммерческой деятельности росли настолько быстро, что местные бригады не успевали заполнить нишу.

Петербургские респонденты прежде всего вспоминают вещевой рынок в Девяткино как место концентрации первой кооперативной торговли и, соответственно, появления первых бригад, занимавшихся регулярным вымогательством:

«Перемены стали происходить в 1989 году, тогда же начались конфликты. Был дефицит идей, никто не знал, что делать. Коммерсанты подсказывали новые темы. Тогда появились контейнерные рынки. В Девяткино все стояли рядом: и наши, и тамбовские, и мальшевские. Строго говоря, никакого тогда разделения не было. Места всем хватало, все ставили своих коммерсантов. Но было правило: коммерсантов друг друга не грабить. Деление появилось после конфликта. Федя Крымский отнимал деньги у торговцев мальшевских. Встретились, ну а дальше известно: Сергей Мискарев (Бройлер), бывший милиционер, зарезал Федю» [интервью 7].

Сходное явление, таким образом, наблюдалось во многих городах России. Городские рынки и другие места концентрации кооперативной торговли становились точками притяжения молодых людей, готовых к силовым действиям и организованных в небольшие группы для вымогательства денег или иных ценностей²³. Вчерашние спортсмены и качки были пионерами этого движения, а спортзалы – местом формирования новой волны организованной преступности, связанной прежде всего со сравнительно новым видом преступления – вымогательством. Будучи одним из наиболее многочисленных сегментов криминальной мобилизации, бывшие спортсмены, конечно, не были единственными, кто открыл новую предпринимательскую нишу. Бывшие участники локальных войн, уголовники, работники правоохранительных органов и даже члены возрождавшегося казачьего движения также активно пополняли ряды различных бригад и группировок и мигрировали в крупные города в поисках возможностей для силового предпринимательства. Именно способность к применению силы и возможность организованно управлять этим ключевым ресурсом для ведения определенной предпринимательской деятельности объединяли эти на первый взгляд различные группы. Однако мало что произошло бы, если бы эти группы и их специфический ресурс сформировались в ином социально-экономическом контексте. Вероятнее всего, молодежные группировки просто эпизодически нарушали бы общественный порядок, как это случалось в Москве, Казани и других городах в середине 1980-х гг., когда они совершали набеги на города в поисках приключений и случайных трофеев. Кооперативное движение и последующее развитие частного сектора стали тем важнейшим фактором, который произвел быстрые изменения в рассматриваемом движении и вывел его на новый качественный уровень. Частная торговля и

²³ См. также *Клейменов М., Дмитриев О. Рэкет в Сибири // Социологические исследования, 1993, № 3. С. 115-121.*

производство стали ресурсной базой движения рэкетиров и фактором, структурировавшим применение силы таким образом, чтобы обеспечить наибольший доход. К тому времени, когда дебаты по поводу гласности, частной собственности и нового политического устройства были в самом разгаре, основные контуры переходной экономической модели уже сформировались. В некотором смысле, городской рынок и спортзал стояли у истоков специфического локального капитализма: рынок все более становился экономической базой для новых группировок; последние, в свою очередь, обеспечивали «охрану» и иные услуги тем, кто вел торговлю и другую экономическую деятельность. Можно также «прочсть» эту схему в более общем виде, когда городской рынок выступает как элементарная форма экономического рынка вообще, а спортзал – как символ организованной силы. Различным аспектам взаимоотношений между этими двумя важнейшими институтами, которые рассматриваются на примере взаимодействия негосударственных силовых структур и рыночной экономики в России 1990-х гг., и посвящена данная книга.

Постановка проблемы

Научные исследования и журналистские публикации часто сваливают в одну кучу все виды противозаконного или отклоняющегося поведения, которое носит групповой характер, включая воровство, мошенничество, нелегальную торговлю, убийства, контрабанду, вымогательство, взяточничество и т.д. Действительно, если все это сложить вместе и назвать «организованной преступностью», как это нередко делают, особенно в западных СМИ, то получится ужасающая картина преступного хаоса, царящего на постсоветском пространстве. По словам одного британского специалиста, «российская организованная преступность является одновременно и симптомом, и причиной хаотического перехода страны к постсоветской эпохе»²⁴. Соответственно, некоторые исследователи выбрали в качестве общей объяснительной парадигмы социологическую теорию девиантного (отклоняющегося) поведения²⁵. В самом общем виде, этот подход берет за точку отсчета систему социальных норм и их кодификацию в уголовном праве и объясняет отклонение от норм нарушением процесса социализации личности и последующей неспособностью социальных институтов обеспечить достаточную степень интегрированности членов общества. Понятно, что объяснительные возможности этой парадигмы ограничены культурной и исторической относительностью социальных норм и, соответственно, отклонений²⁶. Ее применимость становится проблематичной, когда мы имеем дело с переходным и быстро меняющимся обществом, когда социальные, а вслед за ними и правовые нормы претерпевают постоянные изменения и в силу этого не способны быть эффективным и авторитетным регулятором человеческого поведения, а поэтому вряд ли могут быть четкой отправной точкой социологических объяснений. Понимание этого привело других исследователей к реанимации теории «аномии» (т.е. отсутствия норм), которая была введена в оборот Дюркгеймом для описания общества, страдающего от разрушения нормативного порядка вследствие быстрых перемен. Предполагается, что

²⁴ Galeotti, M. *Mafiya: Organized Crime in Russia*, *Jane's Intelligence Review*, Special Report (June 1996). No. 10. P. 3.

²⁵ *Гилинский Я.* Организованная преступность в России: теория и реальность. СПб.: Институт социологии, 1996; Gilinskiy, Ya. *Crime and Deviance: Stare from Russia*. St. Petersburg: Russian Academy of Sciences, 2000.

²⁶ См. Heidensohn, F. *Crime and Society*. L.: MacMillan, 1989. P. 1-15.

указание на состояние аномии одновременно содержит и объяснение быстрого распространения преступности²⁷. Трудно отрицать, что термин «аномия» подходит для описания состояния постсоветского общества. Но объяснительные возможности теории аномии во многом иллюзорны, особенно по отношению к такому явлению, как организованная преступность, поскольку эта теория оставляет нерешенной проблему механизмов формирования и воспроизводства преступных сообществ. Кроме того, этот подход содержит ошибочное предположение, что все виды преступности абсолютно дисфункциональны и деструктивны. На основании теории аномии трудно объяснить высокую степень интегрированности и организованности преступных сообществ, трудно ответить на вопрос, почему среди «постсоветского хаоса» преступность оказалась такой организованной.

«Наследие прошлого»

В основе еще одного распространенного объяснения роста организованной преступности в России – политико-экономические и культурные особенности, унаследованные от системы государственного социализма (или «коммунизма», как это называют советологи) и по-прежнему оказывающие воздействие на постсоветскую экономику и общество. Этому способу объяснения положили начало публикации ряда российских авторов, использовавших термин «красная мафия» для описания преступного союза партийной номенклатуры и дельцов теневой экономики в целях незаконного присвоения общественной собственности²⁸. Идея о том, что российская организованная преступность выросла из преступных организаций, возникших до перестройки и многократно увеличивших свои силы в переходный период, приобрела широкую популярность на западе благодаря книге Стивена Хэднелмана²⁹. «Жесточайшая и часто насильственная конкуренция за трофеи эпохи коммунизма породила особый пограничный персонаж, уникальную посткоммунистическую разновидность преступника, – пишет Хэднелман. – Он являет собой любопытный сплав советского истеблишмента и классического русского преступного подполья»³⁰. Этот альянс коррумпированной номенклатуры и советского преступного мира получил в англо-американских работах название «*Russian mafia*» (с лишней буквой «у» в отличие от принятого в английском «*mafia*»). Обычно это явление обсуждается в контексте присущего русским беззакония и традиционной культуры неформальных отношений³¹. Нетрудно заметить, что сваливание всей «вины» за неудачи переходного периода на «коммунистическое наследие» эффективно выводит из-под критики политику «шоковой терапии», ускоренную приватизацию и другие составляющие либеральных реформ, перенося вину за неудачи на все тот же ненавистный «коммунистический

²⁷ Frisby, T. “The Rise of Organised Crime in Russia: Its Roots and Social Significance”, *Europe-Asia Studies* (1998). Vol. 50, No. 1. P. 27-49.

²⁸ Гуров А. Красная мафия. М.: Мико, 1995; Vaksberg, A. *The Soviet Mafia*. N.Y.: St. Martin's Press, 1991.

²⁹ Handelman, S. *Comrade Criminal: Russia's New Mafia*, New Heaven: Yale University Press, 1995.

³⁰ Там же. P. 10.

³¹ Anderson, A. “The Red Mafia: A Legacy of Communism” / Ed. by E. Lazear. Stanford: The Hoover Institute Press, 1995; Galeotti, M. “The *Mafia* and The New Russia”, *Australian Journal of Politics and History* (1998). Vol. 44, No. 3. P. 415-429.

режим». К тому же, подобные рассуждения как нельзя лучше вписываются в менталитет «холодной войны» с его непременным конструированием различных врагов и угроз, создавая и на этот раз «новую угрозу»³², которая на поверку оказывается старой, поскольку, как утверждает Хэнделман, *mafia* – это коммунизм, не желающий умирать.

Экономико-институциональный подход

Использование экономико-социологического подхода в исследовании сицилийской мафии и последующая проекция полученной модели на постсоветскую реальность позволяет сформулировать принципиально иной способ объяснения российской организованной преступности. Социолог Диего Гамбетта предложил рационально-экономическую модель, объясняющую деятельность сицилийской мафии и представляющую ее как индустрию частных охранных услуг [private protection industry]. Он также указал на некоторое генетическое сходство между сицилийской и российской организованной преступностью³³. Частный охранный бизнес (имеется в виду неформальный и нелегальный его вариант), условия для развития которого возникли и на Сицилии, и в России сразу после формального введения частной собственности, представляет собой деятельность по охране прав собственности и контролю за исполнением контрактных обязательств в контексте низкого уровня доверия, когда деловая культура не обеспечивает предсказуемого взаимодействия, а государственные правовые институты слабы или не пользуются авторитетом у населения. Тогда российскую организованную преступность, как и сицилийскую мафию, можно рассматривать как ответ на ряд институциональных потребностей формирующейся рыночной экономики, в частности – охрану прав собственности, не реализованную государственными правовыми и правоохранительными учреждениями. Используя этот подход, социолог Федерико Варезе показал значительное сходство условий формирования (т.е. возникновения спроса и предложения охранных услуг) организаций мафиозного типа на Сицилии в середине XIX в. и в России в 1990-е гг. В ходе сравнительного исследования он обосновал уместность использования термина «мафия» и одновременно более четко определил его содержание³⁴.

Неоинституциональный подход, набирающий все больше сторонников как среди западных, так и среди российских обществоведов, предполагает анализ специфического рынка услуг, относящихся к институциональной среде рыночной экономики – таких, как обеспечение информации, спецификации и охраны прав собственности, арбитражных услуг, услуг по контролю за исполнением обязательств и т.д.³⁵ В рамках

³² Williams, P. (ed.) *Russian Organized Crime: A New Threat*, L.: Frank Cass, 1997.

³³ Gambetta, D. *The Sicilian Mafia: The Business of Private Protection*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1993. P. 252-255.

³⁴ Varese, F. "Is Sicily the Future of Russia? Private Protection and the Rise of the Russian Mafia," *Archives Européennes de Sociologie* (1994). Vol. 35, No. 1. P. 224-258.

³⁵ Тамбовцев В. Государство и переходная экономика: пределы управляемости. М.: Теис, 1997; Радаев В. Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр политических технологий, 1998; Тамбовцев В. Экономические институты российского капитализма / В сб.: Заславская Т.И. (ред.) Куда идет Россия? Кризис институциональных систем. М.: Интерцентр, 1999. С. 193-20; Pejovic, S. The Transition Process in An Arbitrary State: The Case for the Mafia, *IB Review* (1997).

этого подхода мафия, или организованная преступность, отождествляется прежде всего с частными нелегальными организациями, производящими эти услуги для удовлетворения рыночного спроса. Соответственно, российские криминальные группировки и другие неформальные силовые структуры рассматриваются как одно из возможных институциональных решений для защиты прав собственности или как теневая арбитражная система. Сталкиваясь с растущей неопределенностью поведения контрагентов и трансакционными проблемами и имея на выбор несколько вариантов преодоления этих проблем, экономические субъекты сравнивают затраты, связанные с этими вариантами, и выбирают наиболее экономичный. А поскольку российское государство и его правоохранительная система не только не обладают должной гибкостью, но и сами по себе дорогостоящи и мало предсказуемы, то экономические субъекты предпочитают платить частным, в том числе криминальным организациям (читай – мафии), которые в результате побеждают государство в конкурентной борьбе за рынок институциональных услуг.

Но что именно представляют собой неформальные силовые структуры? Каким образом они действуют и что именно они делают? Каковы механизмы частной охраны прав собственности и арбитража? Эти вопросы редко задаются последователями неоинституционализма. Многие из них склонны, возможно в силу естественного недостатка эмпирических знаний, приписывать участникам неформальных силовых структур, в том числе преступных группировок, те же поведенческие закономерности, что и другим участникам рынка, то есть, по существу, сводить их к абстрактным экономическим субъектам. Иными словами, рассматривая деятельность неформальных силовых структур через призму рыночной модели или метафоры спроса и предложения, экономисты и социологи неоправданно преувеличивают роль экономических субъектов, «покупающих» охрану или другие институциональные услуги, как если бы «силовики», то есть те, чьим ресурсом является организованная сила, были лишь пассивными поставщиками некоторого товара, покупка и цена которого определяется уровнем спроса и разнообразием предложения. В работе, посвященной институциональному строительству в России, Тимоти Фрай, например, делает следующее допущение: «Во многих случаях экономические субъекты могут выбирать, «нанять» ли им государство, самоуправляющуюся организацию или частную охранную организацию для обеспечения выполнения контрактных обязательств»³⁶.

Хотя теоретически такое прочтение ситуации выглядит вполне логичным, оно явно недооценивает возможности владельцев средств насилия определять выбор, доступный тем или иным категориям экономических субъектов. Стратегия неформальных силовых структур по продвижению на рынок своего «товара», известная из литературных источников как «предложение, от которого нельзя отказаться», говорит о том, что инициатива часто принадлежит именно им, а не «покупателям», хотя очень часто такая сделка внешне выглядит как добровольный акт. Эта стратегия не сводится к открытому принуждению посредством угроз или насильственных действий, хотя без них, конечно, деятельность частных силовых структур, особенно ОПГ, не обходится. Она состоит, скорее, в создании некоторого поля с ограниченным числом предусмотренных возможностей. В условиях наличия нескольких альтернативных вариантов решения проблемы безопасности и делового контроля, «покупатели», то есть экономические

Vol. 1, No. 1. P. 18-23; Sachs, J. and K.Pistor (eds.), *The Rule of Law and Economic Reform in Russia*. Boulder: Westview Press, 1997.

³⁶ Frye, T. *Brokers and Bureaucrats: Building Market Institutions in Russia*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2000. P. 143.

субъекты, действительно имеют некоторую возможность выбора. Но наличие эффективной формы решения этих проблем часто само является не столько результатом отбора, который совершают покупатели, сколько промежуточным итогом прямой конкуренции между различными силовыми организациями (силовыми предпринимателями), в которой задействован целый ряд параметров, включая информационную и силовую эффективность, политику налогообложения, организационную форму и даже культурные нормы и деловой стиль. Чисто экономическое («рыночное») прочтение проблемы институционального строительства, которое предполагает взгляд на происходящее с точки зрения экономического субъекта, оставляет без внимания совокупность отношений между владельцами средств насилия, которые своими действиями создают набор ограничений, в рамках которых вынуждены действовать экономические субъекты.

С другой стороны, для ответа на вопросы, поставленные в данной работе, институционально-экономический подход обладает рядом преимуществ. Во-первых, он прямо или косвенно содержит важное для данной работы концептуальное деление. Вместо того, чтобы с самого начала разделять группы или организации на криминальные (преступные) и легальные, этот подход предполагает деление на тех, кто производит институциональные услуги (такие, как охрана и разрешение имущественных споров), и тех, кто вынужден покупать эти услуги, независимо от того, находится ли он в легальном, теневом или криминальном секторе экономики. Другими словами, рынок частной охраны, легальный или криминальный, должен рассматриваться отдельно от рынка обычных товаров, будь то автомобили или героин. Исходя из этого, становится понятной исключительная важность силовой компоненты в предпринимательской деятельности групп мафиозного типа (частных силовых структур) и их функциональное место на экономическом рынке. Соответственно, это поможет нам переопределить природу и роль ОПГ и других частных силовых структур в постсоветской России.

Во-вторых, неинституциональное прочтение постсоветской организованной преступности позволяет связать ее распространение с процессом формирования рынков, то есть с созданием новых социальных структур, а не просто с наследованием старых. Открыв новые возможности и столкнувшись с новыми ограничениями, даже традиционный советский уголовный мир продемонстрировал способность к адаптации и изменил свои формы и принципы деятельности, не говоря уже о новых группах, создававшихся специально «под» новые коммерческие возможности. Поведение отдельно взятой преступной группировки, особенно на ранних этапах формирования рынка, является откровенно насильственным и грабительским. Но их взаимодействие постепенно формирует относительно устойчивую систему, которая ограничивает их действия или даже управляет ими помимо воли их участников, создавая некоторую форму порядка или, по крайней мере, элементы предсказуемости, необходимые для деятельности как участников группировок, так и экономических субъектов. Конечно, по сравнению с более поздними и сложными институциональными образованиями, не говоря уже об идеальных конструкциях, раннекапиталистические институты несовершенны и малоэффективны; они значительно уступают современным либеральным правовым государствам. Но реальность такова, что короткого пути к институциональному совершенству нет, а поэтому уродливые и грубые социальные формы существуют и, видимо, будут существовать еще значительное время. Тогда исследование формирования и трансформации действительных рыночных институтов является более плодотворным занятием, нежели оценка того, хорошо или плохо в России идут рыночные реформы по сравнению с идеальными моделями.

В-третьих, не отрицая принципиальной важности экономической сферы, институциональный подход позволяет рассматривать государство в качестве ключевого игрока в процессе преобразований. Такой подход доказал свою продуктивность в предыдущих исследованиях формирования рынков в Европе и не потерял своей актуальности по отношению к современным процессам. Более того, если институциональную социологию совместить с анализом социальных практик, то открывается возможность представить и исследовать государство не как некоторую объективную данность, сущность или источник власти, а как определенный способ применения силы, как некоторый эффект подвижного соотношения сил, достигшего временного равновесия. Принимая такую позицию, мы сможем исследовать динамику государства одновременно с исследованием «русской мафии» и подобных явлений, изоморфных самому государству.

Воинственный человек

Аналитическое разделение рынка институциональных услуг (рынка охраны) и рынка других благ или услуг соответствует определенному эмпирическому разделению в криминальном мире. Генетическим ядром организованной преступности являются группы, имеющие преимущества в использовании силы (ярчайший пример – гангстеры, вооруженные автоматическим оружием) и обеспечивающие охрану или исполнение решений, выносимых лидерами по отношению ко всему остальному преступному миру (мошенникам, контрабандистам, ворам и т.д.). Один из основных аргументов Томаса Шеллинга, специалиста в области теории принудительного сдерживания насилия [deterrence], состоит, по сути, в том, что организованная преступность является для уголовного мира тем же, чем является правительство для мира законного бизнеса³⁷. Именно поэтому деятельность организованной преступности – в том виде, в котором ее представляет Шеллинг – требует установления монополии на насилие в пределах той сферы, в которой действует организованная преступная группировка. Те, кто использует организованное насилие для охраны, разрешения споров и исполнения решений, сами редко участвуют в традиционных видах преступной деятельности. Они управляют ею. И хотя мошенники, воры, контрабандисты, фальшивомонетчики и прочие жулики кажутся стороннему наблюдателю (а часто и ученым-криминологам) частью того же преступного мира, что и те, кто специализируется в применении силы и, стало быть, управляет этим самым миром, для социолога важно не упускать из виду эмпирические и аналитические различия внутри этого мира. На самом деле, две группы, о которых идет речь, заняты совершенно разным делом, они полагаются на разные ресурсы и навыки, у них различные источники дохода, различная система культурных норм и т.д. – в ходе дальнейшего повествования мы постараемся показать эти различия на российском материале.

Прежде всего нас будет интересовать именно управляющее ядро преступного мира – организованные преступные группировки, специализирующиеся на применении силы, а также другие сходные по этому критерию группы и организации, не имеющие явного отношения к преступному миру. Другие преступные группы, занятые традиционными видами преступной (или легальной коммерческой) деятельности, «произрастают» под прикрытием (естественно будет сказать – под «крышей») этих основных групп. Последние обеспечивают относительно безопасные и благоприятные условия для деятельности других. Таким образом, одни обеспечивают среду, и это их основной

³⁷ Schelling, T. *Choice and Consequence*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1984. P. 182.

«бизнес», другие в этой среде занимаются остальными видами «бизнеса». На протяжении этой книги нас будет интересовать исключительно первый тип групп. В дальнейшем, говоря об организованной преступности или оргпреступных группировках (ОПГ), мы будем иметь в виду именно этот тип групп. Без быстрого роста групп, специализировавшихся на применении силы и, соответственно, на управлении, остальные виды преступной деятельности вряд ли бы получили такое широкое распространение в России.

С точки зрения социологии, тип действия является более важным параметром, чем правовой статус группы или организации, специализирующейся на охране и принуждении к исполнению. Даже если «организованная преступность» понимается так, как предлагает Шеллинг, то есть как группа, обладающая монополией силы и вследствие этого занимающаяся вымогательством (или налогообложением) и управлением, правовое определение, изначально заложенное в сам термин («преступность»), значительно сужает возможности социологического анализа. Определение «организованная преступность» есть выражение точки зрения государства; само явление может быть помыслено таким образом лишь при наличии государства и эффективной правовой системы. При отсутствии или слабости последних более уместно говорить о совокупности конкурирующих силовых организаций, обладающих слабой легитимностью. В этом случае они должны рассматриваться социологом как подобные и принадлежащие к одной категории, а не подразделяться с самого начала на легальные (легитимные) и преступные, помещаясь тем самым в различные группы. В современном русском деловом языке, например, слово «крыша» используется для обозначения групп или организационных решений, обеспечивающих безопасность и деловой контроль, вне зависимости от их формального правового статуса. Эти группы не обязательно являются преступными и могут быть представлены весьма широким спектром силовых организаций, начиная с частных охранных предприятий и заканчивая действующими сотрудниками органов правопорядка или государственной безопасности, выступающими как частные лица. Но все они в общем-то заняты одним и тем же – «крышеванием», т.е. использованием силового и информационного ресурса для предоставления определенного набора институциональных услуг на коммерческой основе. С одной стороны, «крыша» может быть поставлена в один терминологический ряд с «мафией», «якудзой» и «триадами», поскольку, будучи формой частного охранного бизнеса, она обладает многими сходными с ними чертами. Но, с другой стороны, в отличие от своих европейских, американских или азиатских аналогов, «крыша» не обязательно является секретной преступной организацией, а включает широкий набор переходных форм охраны и принуждения, от откровенно криминальных до близких к государству.

Далее, институциональное разделение между агентами, которые используют силу для охраны или (у)правления, и теми, которые производят обычные конвенциональные блага и вынуждены покупать охрану, является основополагающим элементом социальной структуры большинства обществ на протяжении всей истории. Использование силы (или принуждения) образует отдельный тип социального действия, отличный от экономического действия, характерного для пространства обмена. Согласно определению социолога Жанфранко Погги, именно на основе этого различия возникает деление на политическую и экономическую власть и, соответственно, на владельцев средств принуждения («силовики») и владельцев

капитала³⁸. Исследование различных типов отношений между этими группами, равно как и между государствами и рынками как соответствующими формами их институционализации, до сих пор представляет собой одну из самых интересных задач, стоящих перед исторически ориентированной социологией и экономикой. В XX столетии такие ученые, как Макс Вебер, Норберт Элиас, Карл Полян, Фредерик Лэйн, Чарлз Тилли и Даглас Норт, стремились понять роль государств – то есть организаций, владеющих средствами принуждения – в формировании капиталистических рынков. Все они так или иначе описали процесс того, как источник экономического развития постепенно смещался от государства как военно-политической организации к гражданскому обществу, сфере мирной экономической конкуренции. Этот сдвиг, лежащий в основе перехода к современной капиталистической модели развития, также предполагал историческую победу «экономического человека» (буржуа) над «воинственным человеком» (рыцарем). Победа буржуа, в свою очередь, вызвала сдвиг в онтологических предпосылках новых «буржуазных» наук об обществе, суть которого – придание представлениям о человеческом поведении, свойственным лишь определенной социальной группе (экономической буржуазии), статуса «естественных», «всеобщих» и «общечеловеческих».

Рационально-экономический подход адекватен, но недостаточен для понимания процессов распространения и институционализации негосударственного насилия в условиях рыночных реформ в России. Точка зрения «экономического человека» и метафора «спроса и предложения», применяющаяся для анализа «рынка» охранных и арбитражных услуг, должны быть дополнены социологическим анализом поведения «воинственного человека» и специфической социальной среды, которую он формирует. В связи с социальными процессами, имевшими место в России в конце 1980-х – начале 1990-х гг., уместно вспомнить мрачное предсказание, сделанное еще в конце XIX в. одним из основателей институционального направления Торстейном Вебленом в известной книге, посвященной жизненному стилю «праздного» (в прошлом – воинственного) класса:

«Черты воинственного человека [predatory man] ни в коей мере не растворились в общей массе современного населения. Они присутствуют и могут ярко проявиться в любое время. [...] В разных индивидах по-разному, они по-прежнему открывают путь к превращению человеческих эмоций и поведения в их агрессивные формы всякий раз, когда стимул большей или меньшей интенсивности вызовет их к жизни. И они утверждают себя с огромной силой всякий раз, когда другие занятия, чуждые воинственной природе, не поглощают повседневных интересов и чувств индивидов»³⁹.

Россия 1990-х гг. дает возможность изучения социального типа, казалось бы, давно ушедшего с исторической сцены и уступившего место «экономическому человеку». В течение десятилетия те, кого называли «бандитами», были одной из наиболее влиятельных социальных групп, наложивших отпечаток на весь ход общественных преобразований. Это же десятилетие связано с глубокими экономическими реформами

³⁸ Poggi, G. *The State: Its Nature, Development and Prospects*, Stanford: Stanford University Press, 1990. P. 3-33.

³⁹ Перевод автора по английскому изданию [Veblen, T. *The Theory of the Leisure Class*. N.Y.: Penguin Books, 1994. P. 264]. Представляется, что такой перевод (подчеркивающий отличие человека воинственного от человека экономического) более адекватен в контексте данной работы, нежели уже опубликованный русский перевод [см. Веблен Т. *Теория праздного класса*. М.: Прогресс, 1984. С. 257].

и становлением нового хозяйственного уклада. Правомерно задаться вопросом о связи между этими явлениями. Существовала ли какая-либо связь между распространением частных силовых структур и формированием рынков? Еще одна важная особенность этого периода – чрезвычайная слабость государства, находившегося на стадии формирования. Следовательно, необходимо поставить вопрос: как связана динамика негосударственного насилия с формированием государства? И в силу каких обстоятельств в самом конце 1990-х гг. произошло значительное изменение программы исполнительной власти в России, известное как политика укрепления государства?

Возрастное распределение внесенных в базу данных С-3 РУОПа

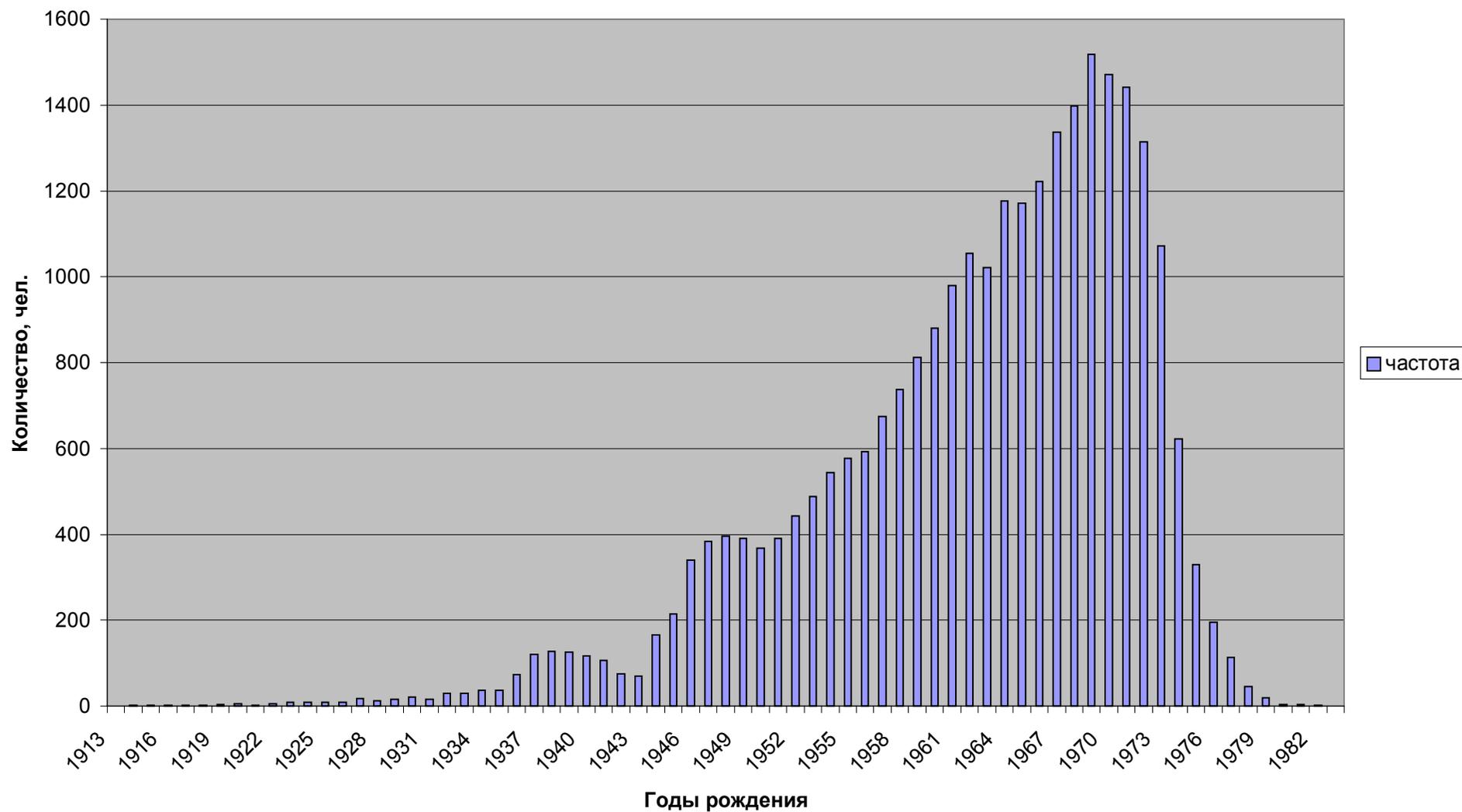

График 1. N= 26 994

Приложение 1. Таблица респондентов

№	Имя или псевдоним	Должность или ранг	Организация или группа	Город
1.	«Амир»	Неизв.	Чеченская диаспора	Петербург
2.	Бадыров, Павел	Директор	ЧОП «Скат»	Петербург
3.	Вадим	Директор	Сеть аптек	Петербург
4.	Вадим	Бригадир	ОПГ	Петербург
5.	«Вера»	Директор	Мультимедийная компания	Петербург-Москва
6.	«Виктор»	Майор	Северо-западный РУБОП	Петербург
7.	«Вас-----»	Лидер	ОПГ	Петербург
8.	Владимир	Директор	Компания по производству силиконовых изделий	Москва
9.	«Геннадий»	Советник	ОПГ	Петербург
10.	Денис	Бригадир	ОПГ	Петербург
11.	Евгений	Капитан (бывш.)	Уголовный розыск	Петербург
12.	Константинов, Андрей	Директор	Агентство журналистских расследований	Петербург
13.	Красюк, Дмитрий	Пресс-секретарь	ОПС Уралмаш	Екатеринбург
14.	Лебедев, Роман	Капитан (бывш.)	Уголовный розыск	Казань
15.	Маркаров, Борис	Директор	ЧОП «Алекс-Северозапад»	Петербург
16.	Метелев, Кирилл	Главный редактор	«Оперативное прикрытие»	Петербург
17.	Мошков, Дмитрий	Со-директор	ЧОП «Аванпост»	Петербург
18.	«Петр»	Боец	ОПГ	Новосибирск
19.	«Роман»	Бригадир	ОПГ	Петербург
20.	«Саша»	Директор	Строительная компания	Москва
21.	«Сеня»	Бригадир	ОПГ	Петербург
22.	Стригалов, Борис	Майор	Северо-западное УВД	Петербург
23.	Тютяев, Дмитрий	Со-директор	ЧОП «Аванпост»	Петербург
24.	Цепов, Роман	Директор	ЧОП «Балтик-эсорт»	Петербург
25.	Юрий Михайлович	Директор	СБ Отель Европа	Петербург
26.	«Юрий»	Майор	Северо-западное УВД	Петербург